

КАФЕДРА

№ Ex Libris (прил. к Независимой) - 2003 - 27 марта, - с. 3

Auf, o Seele!

Эссе о Евгении Головине

Евгений Головин - писатель, культуролог, переводчик, повлиявший на современную культуру во многих отношениях - от авторства песни Александра Ф. Скляра про «две морские звезды» до первых переводов Лотреамона. Александр Дугин считает Головина отчасти своим учителем.

Александр Дугин

*Auf, o Seele
Du must lernen ohne Sternen
Wenn das Wetter tobt und
bricht
Wann die Nichte schwarze
Decken uns erschrecken
Dir zu sein
Dein eignen Licht!
(С немецкого:
Воспрянь, душа!
Когда нет звезд,
Когда бушует и ярится
непогода,
Когда черные тучи пугают
нас,
Ты должна учиться быть
самой себе
Своим собственным
светом!)*

Извращенный ангел

Когда мы находимся в одном пространстве с ним, трудно отделаться от ощущения, что процент грозового озона невероятно повышен; мы задыхаемся от сухой прозрачной прохлады, увлекаем нечеловеческой свежестью - эту марку его присутствия нельзя спутать ни с чем...

Трудно сказать, что с ним произошло... Когда и как он стал таким? Откуда он получил этот гигантский объем пульсирующей жизни, мрачно-изломанной, ввинчивающейся экстравагантной пирамидой - прозрачное сквозь прозрачное - в опрокинутые бездны нашего недоумения.

Всегда было само собой понятно, что Головин относится к какому-то вынесенному за скобки виду, коррелированному с конвенциональной антропологией весьма причудливо и эксцентрично. Если мы - люди, то он - нечеловек, если он - человек, то мы не люди... Впрочем, в этом вопросе нет и не было никогда достаточной ясности.

В свое время сам Головин обрисовывал эмпирическую иерархию окружающих нас существ примерно так:

- ниже всех стоит «шляпня», «инженерье», советская интеллигенция, у нее нет внутреннего бытия вообще, это бумажное изделие, смертельно мокнувшее под дождем, разрываемое лобным нервным порывом бытийных ветров;

- чуть выше - злые тролли, к ним относятся домохозяйки из коммуналок, подъездная утренняя и решительная урла, ловкие поджарые алкаши, собравшиеся озябшим утром у ларька, - эти несут в себе темное упругое бытие, готовое в любой момент рассыпаться звездной, едва собранной против случайного объекта агрессивностью;

- далее идут более уточненные агрессоры - духи, гоблины, профессиональные клеветники, сотрудники спецслужб (представители «Ордена голубых бриллиантов»), быстрые позднесоветские чудовища;

- выше всех - «извращенные ангелы», воспаленно-метафизические души южнокосмического подполья с натянутой струной горного духа, подобно выправке кремлевских курсантов, с безжалостными безднами преступных трансцендентальных подозрений (к этой категории Головин причислял самого себя).

На вопрос коллеги: «А кто стоит выше извращенных ангелов?» - Головин, удивленно подняв бровь, отвечал: «Как кто? Люди...»

Так что солидный антрополог на таких расплывчато убедительных аппроксимациях не построишь.

Il est certainement quelqu'un (с французского - дословно - «он действительно некто», в смысле «кто-то особенный», «личность»).

...но кто точно, сказать, видимо, невозможно. Он некто

очень и очень важный, значимый, онтологически и эсхатологически красноречивый, но его изложение самого себя старательно бережется от прямых дефиниций, которые так легко похитить. Он воплощает в себе ту фантастическую сферу, которая предшествует рождению человеческого вида, это нераздельное, ускользающее ироничное послание претергнутого измерения... В свернутом конусе высшего напряжения зреет зерно человеческого, зреет, отвлекаемое тонкими ветрами, пронизываемое высокими смертоносными напряжениями, постоянно балансируя над мирадами обрывов, в каждом из которых кишат свои собственные светлячки, поэмки, таятся красные сумерки и полотна новорожденных кристаллов прорезаются фиолетовыми всполо-

расудок мягко плавится, каденции фраз, образов, цитат, интонаций уводят нас в раскрашенные лабиринты смыслов, ускользающих даже от того, кто увлекает нас за собой... При этом как-то очевидно, что мы сами, наше внимание, наше доверие, наша fascinación абсолютны не нужны автору. Головин не покупает нас, он проходит мимо, задевая острым черным плащом непонятной, смутной ностальгии, - это было бы жестоко, если бы он кривил рот, замечая краем глаза наши мучения, но он пристально смотрит в ином направлении, и это еще более жестоко, по ту сторону всякой жестокости... Он просто нас не видит, и всё.

Carrus navalis

(С латыни дословно - «морская колесница», культовая колесница в виде корабля, ис-

вывозили в Афинах на празднествах, посвященных Дионису. Что означает этот странный гибрид корабля и колесницы?

20 лет назад зимней ночью мы сидели на коммунальной кухне у одного московского художника (он жил напротив больницы им. Кащенко). Разговор шел об алхимии. Внезапно Головин сказал: «Я все время работаю только в двух стихиях - в земле и в воде...» «В земле и в воде». Но «ни сушей, ни морем... Weder zu Lande, noch zu Wasser kannst du den Weg zu den Hyperboereem finden - so weissagte von uns ein weiser Mund» (с немецкого: «Ни сушей, ни морем не сможешь ты найти дорогу к гиперборейцам, так пророчествовали о нас одни мудрые уста» - фраза Ницше, цитирующая высказывание Пиндара) - подхватил я, цитируя Ницше. Головин оторвал сияющие глаза от клеенки... И ничего не ответил. «В земле и в воде...»

Корабль, барка - это субъект перемещения в водной стихии. Колесница - способ передвижения по суше. Здесь важен символизм коня, который, как известно, рождается из моря - морской жеребец. Отцом коней был Посейдон. Кони и волны - герметические родственники. Показательно, что древнейшие идеогаммы коня и воды - исландская руна «ooh» - совпадают. Отсюда устойчивый мифологический сюжет, отождествляющий коней и морские (речные) воды. У Гарсия Лорки есть гимн зеленому цветку (зеленый - культовый цвет Диониса), где это тождество названо предельно ясно:

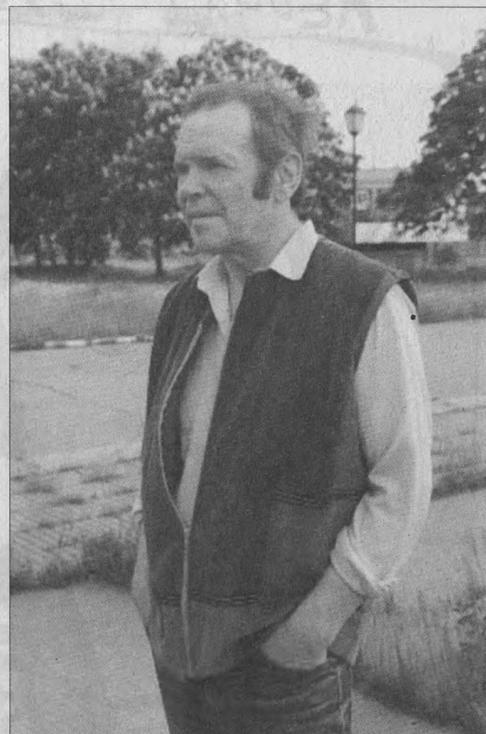
*Verde que te quiero verde
Verde ojos verde ramos*

свою очередь, культовые творения рук человеческих - корабль и колесницу. Но в Дионисе противоположности совпадают: в этом божестве солнечный свет прорывает чрево полночи, женская грудь украшает мужской торс, зелень весенней жизни обвивает торжественные траектории ледяной смерти. В пространстве Диониса вода больше не вода, а земля не земля. Они свиваются в неразделимый клубок, они более неразделимы, немислимы, непредставимы друг без друга. Ясно, что такой землей можно умываться, а по такой воде - спокойно ходить. Как говорили алхимики по сходному поводу - «наша вода не мочит рук».

Искусство бытия по Дионису - это искусство геонавтики, землеплавания. Головин - адмирал землеплавания, вождь дерзкой флотилии идущих звонкими тропами растворения.

Землеплавание - это когда твердое делается мягким, а тонкое - плотным, когда существующее растворяется, обнажая несуществующее, когда тела и тени меняются местами, и мы видим все не так, как видим, а как оно есть. Головин говорит об этом в важном стихотворном тексте «Учитесь плавать»:

*Когда идете вперед,
все время боитесь удара
В ночной тишине
все время боитесь кошмара
И ваша нога должна
чувствовать твердую почву
И женщины вас отравляют
баццлами ночи
И ваша нога должна
чувствовать точку опоры,*

Евгений Головин: руки в карманах, значит, всё в порядке. Фото предоставлено пресс-службой партии «Евразия»

на - «Alles ist Ufer, ewig ruft das Meer» (с немецкого: «Все - берег, но вечно зовет море»).

Конец мира в Люблино

В Люблино (я там в свое время снимал квартиру) есть место, где город как-то резко сходит на нет и открывается

ручающие пейзажи Капотни и Марьино, куда не отваживается ступать нога человека. (Позже я встретил одного прописанного в Капотне - его туша была покрыта утолщениями, панцирными пластинами, выпученные глаза смотрели совершенно в разные стороны, короткая майка с эмблемой общества «Память» едва прикрывала косуюгольный живот...)

Евгений Всеволодович сидел на окраине Люблино, очерчивая рукой с зажатой в ней бутылкой портвейна, пронзительный чуть неоконченный знак - скрепящая суставы и ясно сквозь зубы произнося: «Arpelo deus omnia».

«Что это за картина? - спросил я. - Чему в мирах причин соответствуют картины пограничного Люблино?»

Он ответил: «Всякий раз, когда очередной демидур заболел и отходит в конвульсиях, в мире воцаряется некоторая пауза. Новый демидур еще не готов, и реальность развевает свой оржавленный рот и хлопает ресницами ледяные могил. Ритм рождений и смертей прерывается, остается недоумение. Оно-то и воплощено в том, что мы видим. Мир умер, но не все это заметили...»

В другой раз Головин рассказывал, что в IV веке последние греческие язычники видели в массовом порядке «похороны богини Дианы», она лежала - неподвижно, застыло - на похоронных носилках, и грустные, бледные нимфы молчаливо лили свои фиолетовые ядовитые слезы...

«Это убило то», и «то» отныне мертво.

Прозенное ветром сердце

Головин принадлежит циклу предрассветной эпохи. В недрах исторической полночи зябнут пальцы, тоскливо - с паузами в вечность - шелкает сухая челюсть. Тонкая черная куртка, желтый свет москво-

его внутренняя сторона: из затянутых ржавых котлованов поднимаются останки кладбища, закоптелые корпуса разваленных заводов вызывающе целятся в небо, черномазые дети жгут вонющую пластмассу на фоне пугающе плотной

Евгения Всеволодовича Головина можно только любить - безумно, абсолютно, отчаянно любить

линии высоковольтной передачи и темного факела... Здесь в автобусах не прекращаются драки, а в обшлагити целый этаж занимают большие цинглы и тифом. За грязным, полным мертвого железа, взрытым полем помоек высятся уд-

объема солидного плотного господина, то ссыхаясь в птичий скелет юноши или старика - все это на протяжении одного вечера.

«Когда я родился, женился и умер, все время шел снег...» - говорит Головин. Это не шутка, его губы никогда не допускают подъема уголков - верная Луне гримаса строится по иной логике.

Головин воплощает в себе антизету уюту или комфорту. Встречаясь с ним, мы теряемся, сразу оказываемся в холодном, злом, абсолютно чужом мире. И что-то подсказывает нам, что пути домой нам уже не найти... Видимо, в свое время и сам он ушел и не вернулся, и с тех пор его забыли ждать... Не в силах найти истока своего возникновения, он ходит в сердце метели, устало и радостно освещая путь разодранной грудной клеткой.

*Возвращаюсь домой,
возвращаюсь домой
Впереди идет какой-то
человек
Впереди идет прохожий,
у него наверно тоже
На губах ядовитый смех.
Он заходит в мой дом, он
заходит в мой дом,
И в кабину лифта я захожу
за ним.*

*У него букет фиалок, ну а я
наверно жалок
Рядом с ним, с портфелем
своим*

*Он звонит в мой звонок,
он звонит в мой звонок,
Открывает дверь моя,
моя жена*

*И она его целует и она его
ласкает*

*Очевидно возбуждена
Он берет мою книгу, он
берет мою книгу*

*И грызет мое цветное
монпансье...*

*Я стою так тихо тихо,
а он шепчет мне на ухо:
Уходите домой, месье.
И вот я опять в ночи.
И вот я опять в ночи.*

*Очень очень очень холодно
зимой.*

*Я иду до поворота, на
четыре стороны света
Я иду иду к себе домой.
Выхожу за поворот я
и на все четыре стороны
света*

Я иду, иду, иду к себе домой

Частица его любви

Тексты Головина в его случае не самое главное, они не более значительны, чем элементы костюма или случайное выражение лица. Головин сам себя никогда не относил к писателям. «Я пишущий читатель», - говорит он. Гнетущий шарм его прямого и непосредственного бытия, его интонации, его темный, донный пронзительный юмор гораздо выразительней. В каком-то смысле он неделим, и, не ставя задачи информировать или образовать читателей, как-то повлиять на них, его тексты не более чем аура присутствия. Это оформленная его сердцем тонкая пленка презентация...

Это ослепительно и обязательно именно потому, что произвольно, чрезмерно, потому что этого вполне могло бы и не быть...

Евгения Всеволодовича Головина можно только любить - безумно, абсолютно, отчаянно любить. Все остальные формы оценки и восприятия осяпаются в прах. Если вы не знаете, что такое любовь, и не готовы умереть за нее, не читайте этого...

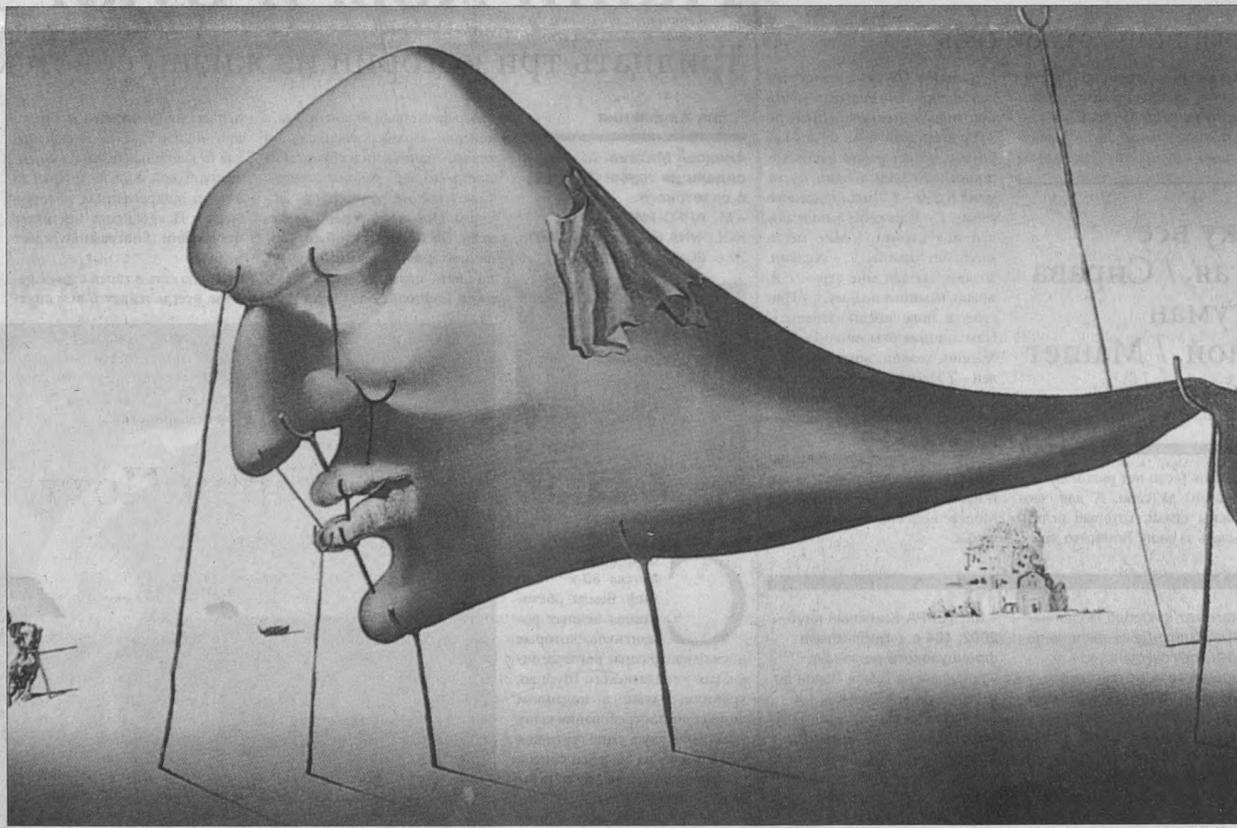
Александр Гельвич Дугин - советник председателя Госдумы РФ Геннадия Селезнева по геополитике, председатель политической партии «Евразия», глава Фонда «Центр геополитических экспертиз», автор учебника «Основы геополитики», философ, политик и многое другое.

Когда идете вперед, все время боитесь удара В ночной тишине все время боитесь кошмара

хами молниевидных шупалец. Вся эта природная роскошь последнего акта становления непристойно отчетливо пульсирует в Головине, подвергая окружающий мир устойчивой порче, вокруг фигуры Евгения Всеволодовича концентрируется рой невидимых пчел (величиной с кулак) - вот почему

пользовавшаяся во время мистерий в честь Диониса. Согласно некоторым исследователям, от этого слова происходит слово «карнавал».

Головин много пишет и говорит о Дионисе, он знает орфические гимны, в редких случаях делает тайные знаки умершего культа, который придавал

Сальвадор Дали. Сон

Окружающие нас существа: злые тролли, извращенные ангелы...

так трудно бывает ему пройти в метро, и любой постовой с подозрением и злой тревогой всматривается в тело аккуратно одетого серьезного господина... Он настойчиво выпадает из времени, искажает пространство. В принципе искажение пространства - это разновидность «мелкого хулиганства», а это уже статья...

О чем пишет Головин в своих текстах? О чем повествует в лекциях? Все не так очевидно. Понятно лишь, что это не эрудиция и не информация... Едва ли он ставит своей целью что-то сообщить, о чем-то рассказать, продемонстрировать свой познания, привлечь внимание к термичным формулам и гипнотическим сюжетам. Сообщения и статьи Головина не имеют ни начала ни конца, они жестко противятся накопительному принципу - по мере знакомства с ними человек не приобретает, но от чего-то избавляется: такое впечатление, что льдинка нашего «я» начинает пускаться весенние капли,

самой стихии смерти обнаженную жизненную дрожь. Диссолютивные токи, окутывающие присутствие Головина, явно замкнуты на миры Диониса.

Эти миры Головин описывает сам. Описывает даже не столько словами, сколько своим бытием, малыми мистериальными своего ученого, высокообразованного, аристократического дусуга. Головин - высший магистр досуга, искуснейший оператор свободной, интенсивно-вибрирующей лени. Его опус включает лежание на диване, беседу о футболе и живое алкогольное помутнение, совмещающее в себе таинство, психиатрический сеанс и глубоко национальную неточно ориентированную экзальтацию. Это очень серьезный орденский опус и hopni soi qui mal у pense (с французского - «пусть устыдится тот, кто плохо об этом подумает», девиз рыцарского ордена Подвязки).

Рене Генон сблизает сюжет рождения Диониса из бедра Зевса - бедро по-гречески «meros» - с мифологической горой индусов Меру, представляющей «ось мира».

Зевс, откуда родился один из Дионисов.

Родство волн и коней - природных существ - роднит, в

*La barca sobre el mar
Y el caballo en la montaña...
(С испанского:
Зелено, я люблю тебя*

*Зеленые глаза, зеленая
ветвь,
Корабль в море
И Конь на горе)*

Гора здесь - это, вне всякого сомнения, та гора в Аттике, куда жрицы Диониса поднимались зимой в погоне за жертвенными зайцами - которых, поймав, рвали на части. Это также горная лодыжка.

Зевс, откуда родился один из Дионисов.

Родство волн и коней - природных существ - роднит, в

*Иначе пойдут лагеря,
дурдома, коридоры
А если спи...т аппаратура,
книги, деньги,
Вы передохнете как жалкие
калеки*

*Учитесь плавать, учитесь
плавать,
Учитесь водку пить из горла
И рано-рано из Мопассана
читайте только рассказ
«Орля»*

*И перед вами как злая
прихоть
взорвется
званий
трухлявый гриб*

*Учитесь плавать, учитесь
прыгать
на перламутре летучих рыб,
Учитесь плавать, учитесь
плавать,*

*Не только всюду, но и везде,
Вода смывает земную
копоть,
И звезды только видны
в воде.*

Плавают, естественно, в земле. Тот, кто не смог сделать земной жидкой, никогда не увидит моря. Для них, как любит цитировать Головин Готтфрида Бен-